

ЧАК ПАЛАНІК

ЧАК ПАЛАНИК

**РЭНТ:
БИОГРАФИЯ
БАСТЕРА КЕЙСИ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
П14

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Chuck Palahniuk

RANT: A BIOGRAPHY OF BUSTER CASEY

Перевод с английского *Е. Мартинкевич*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
Donadio & Olson, Inc. Literary Representatives
и Andrew Nurnberg.

Паланик, Чак.

П14 Рэнт: Биография Бастера Кейси / Чак Паланик ; [пер. с англ. Е. Мартинкевич]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-085528-5

Сказание о панк-мессии из мира близкого будущего, поведенное его учениками...

Житие Бастера Кейси по прозвищу Рэнт, чей девиз: «Живи быстро, умри молодым и заberi с собой в могилу столько, сколько сумеешь».

История величайшего из героев мира маленьких городков, в которых закон делит обитателей на «Дневных» законопослушных граждан — и «Ночных» бунтарей.

Легенда о ненависти и безумии, любви и свободе!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Chuck Palahniuk, 2007

© Перевод. Е. Мартинкевич, 2016

© Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-085528-5

Вы никогда не жалели, что родились на свет?

От автора

Книга написана в жанре устной биографии, то есть состоит из рассказов самых разных свидетелей. Когда многие люди говорят об одном и том же, они неизбежно противоречат друг другу. Примеры подобных биографий: «Капоте» Джорджа Плимптона, «Эди» Джин Стайн, «Лексиконный дьявол» Брендана Маллена.

1 — Введение

Уоллес Бойер (Э продавец автомобилей): Я, как многие другие, познакомился с Рэнтом Кейси после его смерти. С известными людьми так часто: только помрут, приятелей набежит! Знаменитый покойник шагу по улице не ступит, чтоб не наткнуться на миллион лучших друзей, которых при жизни в глаза не видел.

Если бы Джефф Дамер или Джон Уэйн Гейси были еще живы, о них бы столько не писали. А когда умер Гаэтан Дюга, число людей, с которыми он якобы трахался, просто зашкалило.

Как говорил Рэнт Кейси, чтобы выехать на твоей репутации, тебя ругают при жизни и хвалят после смерти.

Так вот, сижу я себе в самолете, а рядом садится мужик, явно из какой-то глухомани. Кожа у него — ну прям как автокатастрофа, не пялиться невозможно. Все руки в укусах, дырках, сморщенные, смотреть противно.

Стюардесса, ну, она спрашивает этого, с гор спустившегося, чего бы он хотел выпить. И потом просит его передать мне виски со льдом. А я смотрю на эти страш-

ные пальцы, костяшки как изжеванные, и думаю: пить из стакана не буду.

Тут еще эта эпидемия, ну его! В аэропорту теперь после металлоискателя температурный контроль, как во время атипичной пневмонии. Правительство говорит, многие и понятия не имеют, что заражены. Можешь себя прекрасно чувствовать, но если датчик пикнет, мол, температура повышена, загремишь в карантин. А если пожизненно? Без суда, без всего.

Все равно опускаю столик и беру стакан. Смотрю, как виски бледнеет, разжижается. Как тает и пропадает лед.

Кто живет продажей автомобилей, вам всегда скажет: повторение — мать учения. У нас так: есть контакт — есть доход.

А тренировать свои навыки можно везде. Например, чтобы запомнить имя человека, есть хороший приемчик: всмотреться ему в глаза, чтобы увидеть цвет — зеленые, карие или голубые. Называется «разрыв паттерна». Паттерн, шаблон — это типа привычка забывать. Разорвешь его — и уже не забудешь.

У этого ковбоя глаза были ярко-зеленые. Зеленые, как антифриз.

Весь перелет мы с ним делили один подлокотник — я сидел у окна, он ближе к проходу. Вы меня простите, но с его ковбойских сапог кусками валилось подсохшее дерьмо. А эти длинные баки, может, в старших классах и помогли ему затащить в постель телку-другую, но сейчас совсем седые, от виска до самой челюсти. Про руки вообще молчу.

Чтобы установить раппорт, контакт, в смысле, спрашиваю, сколько он заплатил за билет. Если не умеешь угадать, что нужно человеку, с которым в самолете целый час трешь локтями, не можешь найти, где у него

кнопки, то никого не уговоришь на «мысленную покупку» «Ниссана», не говоря уж о «Кадиллаке».

Еще один прием: в каждом авто программируешь первую кнопку магнитолы на госпел. Вторую — на рок-н-ролл. Третью — на джаз. Если клиент весь из себя начальник, распахни перед ним дверь и включай новости или политобзоры. Если хиппи в сандалетах — ищи культурную передачу. Чтобы, повернув ключ, они слышали то, что хотят услышать. А пятую кнопку в каждой машине я программирую на дурацкий техно-рэйв, если вдруг появится автосалочник.

Зеленые глаза, дерьмо на сапогах — у продавцов это называется «мысленные крючки». Вопросы с одним ответом — «закрытые вопросы». Вопросы, которыми заставляют покупателя говорить, — «открытые».

Например, вопрос «Сколько вы выложили за билет?» — закрытый.

Мужик отхлебывает виски, глотает. Потом, глядя в упор перед собой, отвечает:

— Пятьдесят долларов.

Настоящий «открытый» вопрос — это вроде «Как вы живете с такими страшными руками?».

Я спрашиваю: в одну сторону?

— Туда и обратно, — говорит он и жуткой ручищей подносит ко рту стакан. — Скидка по смерти близкого.

Я сижу вполоборота, смотрю на него и замедляю дыхание в такт тому, как шевелится его ковбойская рубашка. Этот прием называется «активное слушание». Он откашливается, я чуть подожду и тоже откашливаюсь. Хорошие продавцы так «ведут» клиента.

Скрещиваю ноги у щиколоток, правую над левой, как он, и говорю: мол, такого не бывает. Даже без мест билеты дороже. Как ему так удалось?

Он отхлебывает еще виски, неразбавленного, и начинает:

— Сначала сбегашь из охраняемой психушки...

Потом, говорит, хочешь поймать попутку, а сам стоишь в пластмассовых шлепанцах и бумажной хламиде, которая сзади не застегивается. Опаздываешь на пару секунд, и детонаильник-рецидивист насилует твою жену. И мать. Потом от этого насилия рождается сын, ты его растишь, он собирает целый фургон старых человеческих зубов. После школы этот чокнутый сыночек сбегает в город. Вступает в какую-то секту, которая живет по ночам. Попадает в аварию раз эдак пятьдесят и связывается с какой-то почти, хоть и не совсем, проституткой.

А еще он рассадник эпидемии, из-за которой погибли тысячи, ввели военное положение и вообще мир во всем мире теперь под угрозой. И наконец твой сынуля погибает в пылающем аду на глазах у всех телезрителей.

Очень просто, мол.

Потом добавляет:

— И когда ты поедешь за его трупом, — опрокидывает стакан себе в рот, — самолетная компания даст специальную скидку.

Пятьдесят баксов, туда и обратно. Он смотрит на скотч, который еще стоит на моем столике. Теплый. Весь лед, что был, растаял. И спрашивает:

— Будете?

Я говорю: пейте.

Вот так иногда за секунду меняется вся жизнь.

Твое завтрашнее будущее окажется не похоже на вчерашнее.

Передо мной дилемма: просить автограф или нет? Я еще больше замедляю дыхание, отзеркаливаю его и уточ-

няю, в родстве ли он с тем парнем... Рэнтом Кейси? Кейси-Оборотнем — самым страшным «нулевым пациентом» в истории? Суперносителем, который заразил половину Америки? Целующим Убийцей? Рэнтом Бешеным Псом?

— Бастер. — Он тянется уродливой рукой за моим виски и говорит: — Моего мальчика при рождении называли Бастер Лэндри Кейси. Не Рэнт. Не Бадди. Бастер!

Я впитываю глазами каждый складчатый шрам на его пальцах. Каждую морщину, каждый седой волос. Внимательно вдыхаю запах перегара и коровьего навоза. Локтем запоминаю, как трется о меня рукав фланелевой рубашки. Я уже понял, что буду рассказывать об этой встрече всю оставшуюся жизнь. Вцепляюсь в каждую мелочь и прячу про запас, как белка, каждое его слово и каждый жест. Говорю, а вы...

— Честер, — отвечает он. — Я Честер Кейси.

Вот он, сидит со мной рядом. Честер Кейси, отец Рэнта Кейси: ходячего и говорящего биологического оружия массового уничтожения.

Энди Уорхол ошибался. В будущем у каждого не будет пятнадцати минут славы. Нет, в будущем у каждого будет пятнадцать минут рядом с тем, кто прославился. С Тифозной Мэри, Тедом Банди или Шэрон Тейт. В истории есть лишь монстры и жертвы. И свидетели.

А я ему что? Я говорю: мне очень жаль.

— Сочувствую, что ваш малец того...

Головой качаю.

Чет Кейси тоже качает головой, и я уже не уверен, кто кого «ведет». Кто первый сел в такую позу. Может, этот говноед сам меня изучает. Зеркалит меня. Находит мои кнопки и устанавливает раппорт. Может, это он мне что-то продает. Живая легенда Чет Кейси моргает. И

дышит медленно, не больше пятнадцати раз в минуту. Допивает мой скотч.

— Но как ни крути, — пихает меня локтем в ребра, — скидка на билет что надо!

2 — Ангелы-хранители

Из путевых заметок Грина Тейлора Симмса (Ж Истори́ка): Собака в Миддлтоне — что корова в Калькутте или Нью-Дели. Посреди каждой дороги на солнце валяется какая-нибудь помесь дворняжки с охотничьей, пытит, высунув слюнявый язык. Этаким лохматый «лежачий полицейский» без ошейника и всяких опознавательных знаков. Припорошенный глиняной пылью, сдутой ветром с распаханых полей.

До Миддлтона целых четыре дня езды. Никогда еще так долго не сидел в автомобиле без аварий. Это оказалось самым неприятным аспектом нашего паломничества.

Недди Нельсон (Ж автосалочник): Как вы объясните тот факт, что в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году в штате Юта, возле Антелоп-Спрингс, палеонтолог-любитель Уильям Мейстер разбил кусок глинистого сланца, надеясь найти там ископаемых трилобитов, а вместо этого увидел окаменевший след человеческой обуви, оставленный пятьсот миллионов лет назад? И как другой окаменевший отпечаток обуви, обнаруженный в Неваде в тысяча девятьсот двадцать втором году, попал в горную породу триасового периода?

Эхо Лоуренс (Ж автосалочница): Мы ехали в Миддлтон глубокой ночью, по каким-то долбаным полям, а Шот Даньян жал на кнопки радио, искал дорожные сводки. Чтобы услышать о бурной жизни, которая проходит мимо нас. Утренние или вечерние новости для заокеанских водителей. Пробки и заторы там, где еще «вчера». Скопления машин, смертельные исходы, крушения автопоездов на магистралях там, где уже «завтра».

Странно, блин, слышать, что кто-то погиб завтра. Будто прямо сейчас еще можно позвонить этому бедняге в Москву и сказать: «Сиди дома!»

Из передачи «Дорожные картинки» на «Авторadio»: Если вы сейчас под Ричмондом и направляетесь на восток, к Мэдоузскому объезду, учтите, что из-за любопытства водителей движение замедлилось. Притормозите и вы, вытяните шею, чтобы хорошенько рассмотреть на дальней левой полосе аварию со смертельным исходом. Столкнулись два автомобиля: впереди «Плимут» цвета морской волны, модель «Роуд Раннер», семьдесят четвертого года с V-образным восьмицилиндровым чугунным двигателем объемом четыреста сорок кубических дюймов и четырехкамерным карбюратором. Салон с оригинальной белой отделкой. За рулем была знойная девица двадцати четырех лет от роду, со светлыми-тире-зелеными волосами и с классическим случаем перелома-тире-вывиха позвоночника в области атланта-затылочного сочленения при полном разрыве спинного мозга. Если выразиться проще, с переломом шеи.

Сзади шикарный двухдверный седан кремового цвета, модель «Нью-Йоркер-Брогам-Сент-Реджис» с хромированными декоративными накладками и неподвижными задними форточками. Классная тачка! Проезжая